

Редкое явление.

Чжао Лайфи не знала, почему она колебалась перед дверью больничной палаты, она целую минуту ходила по улице, обсуждая, стоит ли ей идти домой.

Не то чтобы она боялась или нервничала, но больше всего она боялась того разговора, который у них был бы. Раздраженно вздохнув от своей нерешительности, она смирилась с неизбежностью и открыла дверь. Снова перед глазами появилась просторная больничная палата, но на этот раз в ней не было цветов. Видимо Чжао Синсин, должно быть, поняла, что лилии были похоронными цветами, так как корзины с фруктами все еще стояли на столе.

- Сяо Фэй. - Чжао Мояо наблюдал за дверью с тех пор, как она нерешительно топталась снаружи. Он задавался вопросом, знает ли она, что звук ее шагов был громким. Маленькие щелчки ее высоких каблуков снаружи были похожи на китайские петарды. Его взгляд переместился на нее плоский живот. Она свободно заправила свой атласный темно-синий топ в черные брюки, скрывая любые шишки от любопытных глаз.

- Старейшина Чжао, - коротко сказала она, ее глаза холодно опустились на его прямую фигуру. Он сидел на кровати с подушками за спиной в качестве поддержки, на маленьком столе возле кровати лежал ноутбук.

- Какое холодное приветствие.- Если бы она была кем-то из его других внуков, он бы воспринял это как преступление. Каждый раз, когда он смотрел на нее, ему вспоминалась маленькая девочка, счастливо тянущаяся к его руке.

- Я пришла посмотреть, проснулся ли ты. Вижу, что ты в порядке, я сейчас уйду. - Отстраненное выражение Чжао Лайфи исчезло, когда она внезапно повернулась к нему спиной. Ее работа была выполнена.

Чжао Мояо заставил себя сильно закашляться, притворяясь стоном боли: «Я далеко не в порядке, дитя. Я думаю, что дата моих похорон скоро приближается».

Чжао Лайфи сопротивлялась желанию закатить глаза на драматического мужчину: «У меня есть дела».

- Теперь, вы не хотите знать, кто будет моим кандидатом на пост председателя?

- У Юньтай или Чжао Цзин будут в вашем списке. Очевидно, вы видите меня как очень подходящего кандидата, но отметьте мои слова, я не хочу вашего места.

Улыбка Чжао Мояо напряглась: он был достаточно предвзят, чтобы пожелать увидеть ее в кресле генерального директора: - Почему?

- Я не хочу иметь ничего общего с компанией, которая разрушила ваши отношения с каждым вашим родственником. Надеюсь, однажды вы сможете изменить свое поведение, прежде чем потерять всех и умереть в одиночестве, далеко не каждый повернет голову к тебе.

Лицо Чжао Мояо смягчилось. В конце концов, она все еще заботилась о нем, хочет она это или нет: «Со мной все в порядке. Я предпочитаю мой покой». Его глаза встретились с ее бесстрастным взглядом. Она смотрела на него, как на незнакомца: «Тем не менее, компания с распростертыми объятиями встретит моих правнуков».

- Правнуки?- Она подняла бровь.- Который? Тот, кто на Небесах, или тот, которого ты никогда не увидишь?

Взгляд Чжао Мояо был пронизан чувством вины, когда он закрыл свой ноутбук и повернулся к ней лицом: «Сяо Фэй, что тебе нужно, чтобы простить меня?»

Чжао Лайфи потеряла дар речи. Всю свою жизнь она всегда считала, что ее дедушка слишком упрям и эгоистичен, чтобы извиняться. Он никогда раньше не извинялся и не просил прощения у кого-либо. Даже если он ошибался, он отказывался признать это и заставлял другую сторону вместо этого извиниться.

- Я не хочу извинений. Действия говорят громче, чем слова. - Нахмурилась Чжао Лайфи.

- Тогда что мне сделать, чтобы ты простила меня?

- Время и пространство без вас.

Лицо Чжао Мояо сморщилось и как будто вымерло: «Да, вам понадобится время, чтобы исцелиться, но это также можно рассматривать как трусливые шалости».

- Достаточно забавно, прошло много лет, но ты не исцелился от вины. - Чжао Лайфи скрестила руки и подошла ближе к двери. В ее интересах было уйти, так как этот разговор, казалось, ни к чему не приведет.

- Я никогда не мог исцелиться от своей вины, потому что ты никогда не могла бы простить меня.

-Простить?- Чжао Лайфи повторила иностранное слово, слетевшее с его уст.

- Вы - тот, кто научил меня тому, что прощение - это слабость.- Качества, которые он скрывал от нее, давали о себе знать. Он не знал, он должен смеяться или плакать от осознания того, что его заставляют, есть его собственные слова.

- Сначала вы были слабой. Я должен был быть уверен, что ты достаточно «толстокожа», чтобы укрыться от замыслов ваших родственников и ненависти ваших родителей. Но это было задолго до подписания контракта, - посетовал Чжао Мояо. Хотя он знал, что она ведет себя так упрямо, потому что он такой же упрямый, как и она.

- Вопреки вашей уверенности в моей подлости, могу сказать. Меня никогда не обманывал Ян Муджан, и при этом я не был ослеплен богатством и преимуществами, которые мог предложить Чжэн. Я просто думал о счастье, которое ублюдок Чжэн может предоставить вам. Что случилось, то и случилось и за это, я прошу прощения. Я был виноват в том, что подписал контракт, но я не возьму вину за то, как вы росли и стали зрелой женщиной, у тебя ведь тоже была голова на плечах, - строго сказал ей Чжао Мояо, его голос контрастировал с его хрупким, слабым состоянием тела.

- Без унижения, которое вы перенесли, вы бы вели себя как избалованная женщина. Вы бы не приобрели боевых и оружейных навыков. Вы бы не встретили друзей, которых вы приобрели на поле битвы. И, прежде всего, вы возможно, никогда больше не встретили Ян Фэна. Возможно, судьба привела вас обратно друг к другу, но я никогда не верил в эти глупости.

- Но я могу сказать, Сяо Фэй, что мне очень жаль за то, что я сделал с тобой. Именно с моими действиями у тебя начался хаотический путь разрушения.

Чжао Лайфи была ошеломлена его словами: он дважды извинялся за один день, явление такое редкое, как снег летом. У нее сжалось горло. Что она должна была сделать или сказать? Она не могла простить его за то, что он сделал. Что могут сделать извинения? Это не могло повернуть вспять время, но и она не может повернуть вспять действия, которые она внесла в свое самоуничтожение. Они оба были в равной степени виноваты, и только со временем они могли исцелиться от этого. Но будут ли они продолжать видеться в процессе исцеления? Или она полностью вычеркнет его из своей жизни?

- Я забочусь о тебе, Сяо Фэй. Я люблю тебя больше, чем кого-либо из моих внуков. Ты была лично воспитана мной, хотя я никогда не считал себя подходящим родителем или дедушкой. Для меня ты идеальная иллюзия, что возможно, я мог бы быть лучшим отцом для моих жадных детей, но на этом этапе вы и ваш ребенок - все, что мне когда-либо нужно.

- Я знаю, что нам обоим нужно время, чтобы исцелиться от этого, но, пожалуйста, это принесло бы мне величайшее счастье видеть вас время от времени. Я прожил долгую, долгую жизнь, где я был свидетелем вашего огромного роста, который наполняет мое сердце гордостью, но я боюсь того дня, когда я умру без тебя на моей стороне.

После этого у Чжао Лайфи потекли слезы. Она повернулась к нему спиной и резко вытерла их. Она не хотела, чтобы он увидел эту уязвимую сторону ее тела. Ее тело подпрыгнуло, испуганно, когда рука мягко легла на ее плечо. Он вытер ее слезы и сказал: «Я рад видеть, что ты наконец-то способна встать на ноги».

Она чувствовала дежавю от его действий, ее сердце колотилось от боли в воспоминаниях о ее прошлом: «Ты говоришь так, как будто собираешься умирать».

- Ну, я всегда должен быть готов к худшему, - усмехнулся Чжао Мояо, протягивая ей платок, который она с благодарностью приняла и высушила последнюю часть своих слез, поворачиваясь к нему с покрасневшими глазами и носом. Он хотел дразнить ее угрюмое выражение лица, небольшое надутое лицо, которое напоминало ему о плаксе, какой она была раньше. Он пропустил ту ее сторону, но затем отогнал от себя эту мысль.

- Вы не будете видеть меня время от времени.

Улыбка Чжао Мояо стала горькой и печальной.

- Я буду продолжать видеть тебя так, как будто ничего не произошло, но это не значит, что я когда-либо прощу тебя за твои поступки. Твои поступки были из доброты твоего сердца, и, хотя они были недопустимы, я понимаю, почему ты сделал это, ты сделал это в момент отчаяния. - Чжао Лайфи скрестила пальцы и уставилась на его изумленное лицо, которое расплылось в крошечной нежной улыбке.

- Боже, ты, кажется, с каждой секундой становишься все больше и больше, - размышлял он, его глаза потускнели, слегка увлажняясь при мысли о ее окончательном взрослении. Даже со всеми достижениями, которые она набрала, в его глазах она всегда будет маленькой девочкой, преследующей его с ее детским произношением: «Дедушка!»

<http://tl.rulate.ru/book/23140/1018922>